

Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет
имени академика И.П.Павлова

ПУЛЬС

75-летию Великой Победы посвящается

№ 4 (2589)

Суббота, 9 мая 2020 г.

Газета Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П.Павлова

1 ЛМИ в годы Великой Отечественной войны

75
ПОБЕДА!
1945–2020

«1 ЛМИ в годы Великой Отечественной войны» — вторая часть специального выпуска «О доблести, о подвигах, о мужестве...», опубликованного в 2015 году. Настоящее издание содержит документы, воспоминания, иллюстрации и фотографии, которые не вошли в первую часть.

Издание посвящается работе преподавателей, врачей, студентов, выпускников 1 ЛМИ в блокадном Ленинграде, подвигу врачей и медицинских работников института, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, прошедших боевой путь от стен родного института до Берлина.

В выпуске использованы воспоминания, документы и фотографии из фондов музея, архива, библиотеки, редакции газеты «Пульс» ПСПбГМУ им. акад. И.П.Павлова, собранные Н.С.Боковой, А.А.Журавлевым, Л.А.Носовой, Н.В.Павловой, А.А.Потапчук, Ф.К.Ярмоличем.

Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...»

Из выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел, тов. В. М. Молотова. Газета «Правда» от 23 июня 1941 года.

22 июня 1941 года открывает одну из самых драматичных эпох в истории нашей страны. Этот воскресный день вписан в скрижали нашей истории как момент вероломного нападения на СССР немецко-фашистских захватчиков. Они принесли жителям Советского Союза много горя, испытаний и... смерть. Однако на темном небосклоне Великой Отечественной войны светили яркие звезды героизма, отваги и самопожертвования солдат, генералов, партизан, труженников тыла и целых городов.

Ярчайшей звездой военного неба стал Ленинград. Он оказался символом непоколебимости духа советских людей, веры в Победу над врагом несмотря на все тяготы и лишения.

В августе 1941 года, после перегруппировки, немецкие войска группы армий «Север» перешли к форсированному наступлению на Ленинград. В результате 8 сентября 1941 года пал Шлиссельбург. Именно с этого дня начинается блокада. 900 дней и ночей в схватке с самой сильной армией мира жители Ленинграда отстаивали свое право быть свободными, защищали своих родных, дома и Родину.

Прорвать ее, соединиться с «большой» землей ленинградцы стремились с первых дней блокады. С 10 сентября по 6 октября 1941 года проходила 1-я Синявинская наступательная операция, которая закончилась неудачей. Спустя десятилетия Г.К.Жуков признался, что прорвать блокаду в 1941 году оказалось задачей «чрезвычайно тяжелой, можно сказать, непосильной».

Параллельно с первым наступлением на немецко-фашистские войска с 12 сентября 1941 года разворачи-

вается организация глубокоэшелонированной обороны Ленинграда. На строительство дотов, оборонительных рубежей, рытье траншей и других фортификационных сооружений собирается практически весь город от мала до велика.

Благодаря героической отваге Красной армии, трудовому подвигу рядовых горожан при возведении линий укреплений в начале октября 1941 года кольцо-фронт вокруг Ленинграда стабилизировалось, немецкая машина остановилась. Начались суровые, но героические будни блокадного города.

В блокадном кольце находилось около 3 миллионов человек, в том числе 400 тысяч детей. С каждым днем нормы продовольствия снижались. В конце ноября 1941 года по рабочей карточке первой категории выдавалось всего 250 граммов хлеба. Для остальных устанавливалась норма в 125 граммов. Суровая зима до предела ухудшила ситуацию. Не было топлива, не хватало электричества, не ходил транспорт, не работали водопровод и канализация.

Помощь всей страны пробивалась в город через Дорогу жизни. Подвоз по железной дороге останавливался у Ладожского озера, затем, до прекращения навигации, грузы перемещались на баржи и водным путем следовали по специально построенной ветке, а затем доставлялись в Ленинград. Это был тонкий ручеек, лишь в малой степени способный удовлетворить потребности осажденных. С наступлением зимы часть трассы стала проходить по льду Ладожского озера. Каждый рейс представлял собой смертельную опасность из-за немецких артобстрелов и воздушных налетов.

Медико-санитарные дружины.
Учеба. 1941 г.

Тренировка действий по транспортировке пораженного ОВ
в санитарный пропускник. 1941 г.

Мобилизация персонала 1 ЛМИ и подготовка территории института к требованиям военного времени

В связи с введением военного положения в институте отменили отпуска. Мобилизации на фронт персонала продолжались весь период войны, но самыми массовыми они были в июне – августе 1941 года. Студентов, которые проходили практику в отдаленных городах, срочно вызвали в Ленинград, в институт. 23 июня 1941 года в Белозерск, где проходили практику студенты 5 курса, пришла телеграмма: «Немедленно выезжайте, директор Озерецкий».

23 июня 1941 года Т.А.Никифоровская, заведующая библиотекой 1 ЛМИ в 1940–1942 годах, записала в дневнике: «Раньше обычного часа в этот день был созван Ученый совет. Председательствовал исполняющий обязанности директора профессор Н.И.Озерецкий. Началось заседание с обсуждения ряда экстренных мер: об эвакуации наиболее ценных приборов, оборудования института. Стал вопрос и о книжном фонде. Было решено вынести из библиотеки более ценные экземпляры для сохранения в один из подвалов... Стояли и другие важные вопросы – о досрочном выпуске врачей из числа студентов старших курсов и многое другое».

12 июля 1941 года 4-я немецкая танковая группа вступила в бой с частями прикрытия Лужской оперативной группы в районе реки Плюссы. Именно в этот день в Ленинграде и в 1 ЛМИ начали создаваться части народного ополчения, а также началась подготовка к возможным уличным боям. А.В.Захарова, сотрудник кафедры биохимии, вспоминала: «К возможным уличным боям готовился и наш объект: организуется местный отряд народного ополчения во главе с директором И.Д.Страшуним и комиссаром С.И.Ивановым. В этот отряд были зачислены все сотрудники-мужчины 18–55 лет, работавшие в институте и больнице. На территории института организуются бригады и выделяются из коммунистов бригадиры по устройству амбразур (Науменко, Захарова, Ильин, Жуков). Амбразуры были сделаны в окнах 1-ых этажей (1 и 2 хирургия, 31 поликлиника). Заготавливались бутылки с зажигательной смесью на случай прорыва моторизованных частей – ответственная Захарова».

С сентября 1941 года Ленинград начал подвергаться массированным авиационным налетам, а позже и регулярным артиллерийским обстрелам. Поэтому обеспечение противопожарной защиты стало одной из главных задач руководства 1 ЛМИ. Это была колоссальная работа, которую надо было провести в кратчайшие сроки руками сотрудников и студентов.

Большей частью этих работ руководил заведующий кафедрой биологии И.И.Канаев, возглавивший руководство работами по организации защиты зданий.

Учеба медико-санитарных дружин. 1941 г.

Наряду с противопожарной борьбой большое внимание уделялось светомаскировке. П.К.Булатов, ассистент кафедры госпитальной терапии, в последующем – заведующий кафедрой госпитальной терапии (1957–1975 гг.), профессор, в докладной записке писал: «Аварийное освещение состояло из фонарей типа „летучая мышь“ и приспособленной к фонарю черной шторы... Каждый сестринский пост был снабжен фонарем „летучая мышь“. В перевязочных и операционных дежурный начальствующий состав имел электрические аккумуляторы... Зимой 1941–1942 гг. А.А.Рамшем были усовершенствованы лампочки специальной конструкции с колпачками, дающими минимальное количество копоти. Лампочки заправлялись бензином».

Сирены вой пронзил спокойный воздух;
Свист бомб, пожар, зениток четкий стук.
Притихло все, нарушен сон и отдых.
Стоят трамваи. Замер каждый звук.
Земля дрожит, укрылись люди в щели,
И улицы все опустели вдруг.
Везде темно. Лишь светит еле-еле
От синей лампочки неясный, тусклый круг.

*З.В.Оглоблина, профессор
кафедры госпитальной хирургии*

«Боевое освещение» в палатах. 1941 г.

Лампа «Летучая мышь»

В связи с военным положением в городе и в институте была введена пропускная система. Как вспоминала А.В.Захарова, по приказу дирекции института были организованы дежурства у входа в здания: «Всем служащим, студентам, преподавателям, рабочим были выданы пропуска с фотографией. Был случай, когда дежурила Ляля Варламова: профессор Н.И.Озерецкий прошел в здание с пропуском на имя женщины, желая проверить дежурных. Л.Варламова, увидев профессора, не проверила пропуск, за что получила выговор. Ляля Варламова горько плакала после этого».

«Перестройка заключалась в реорганизации всей очечной системы по линии выделения оперативных коек, наряду с сохранением коек для обслуживания гражданского населения. Партбюро института уделяет большое внимание работе оперативных коек, количество которых равняется очень крупному военному госпиталю... У нас же госпиталь не номерной и эта работа возложена на партбюро. В госпитале эту работу обычно ведет военком, военные политруки... К 10 сентября форсированными темпами были закончены работы в новом акушерском корпусе и развернуты два новых хирургических отделения... Оперативные койки сохранялись в факультетской хирургии, части госпитальной хирургической клинике (для получивших ранения кисти) и дополнительно были развернуты в конце января 1944 г. во время боев по снятию блокады, в принадлежавшем тогда терапевтической клинике отсеке, 11 корпуса».

ЦГАИПД. Ф.257. Оп. 2. Д.1.Л. 25. Первичная профсоюзная организация 1 ЛМИ им. акад. И.П.Павлова. Отчет о работе партбюро 1 ЛМИ за время 1941 г.

«Наша жизнь совсем особенная... Ею нужно пожить, чтобы понять» (М. Д. Тушинский)

О жизни и смерти ленинградцев в блокадном городе написано множество пронзительных книг. Мы не будем повторять общеизвестные факты, а предоставим слово пережившим страшные дни...

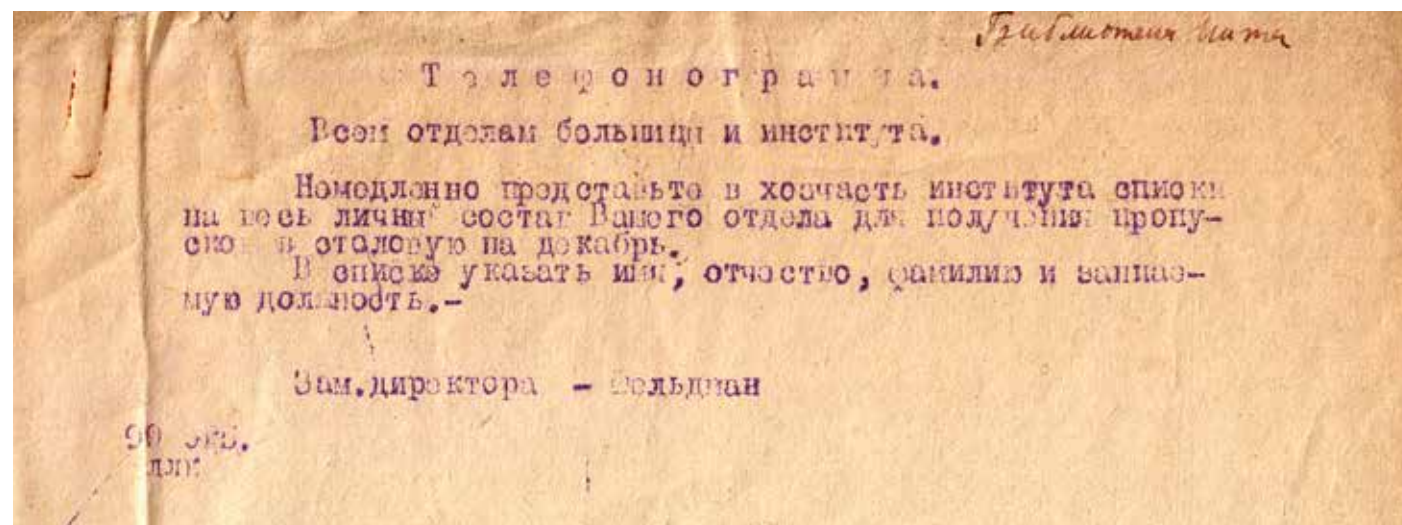
Студентка 1ЛМИ военного времени Н.Г.Тенигина: «Одна из главных забот жителей блокадного Ленинграда заключалась в поиске пропитания для себя и своих близких. Как никогда ранее карточка, в большинстве случаев, дающая право получить скудный кусок хлеба, становилась единственной преградой между человеком и смертью, именно от нее зависело, наступит ли завтра... С сентября по ноябрь 1941 года пять раз снижался продовольственный паек ленинградцев. 20 ноября 1941 года устанавливается минимальная норма выдачи хлеба. Эта норма существовала 35 дней – до 25 декабря 1941 года».

Воспоминания студентки Л.Турецкой (Гревниной): «4 декабря 1941 года Кожевенный завод „Коминтерн“ из-за отсутствия топлива и электроэнергии частично законсервировали. В связи с этим старые, не использованные в производстве кож просоленные разные шкуры разделили на небольшие части и выдали заводским работникам, в том числе и моему отцу. Вот мы и обрабатываем их, делим на кусочки, нанизываем на кочергу, опаливаем внутри „буржуйки“, тщательно соскабливаем обгорелую шерсть, моем, очень долго развариваем, потом размалываем в мясорубке и заливаем, таким образом получали студень, который сохранял наши силы...»

Рецепт похлебки из кожаных ремней: «Лучше брать неокрашенные ремни. Залейте их с вечера водой (предварительно ремни нарежьте мелкими кусочками и промойте) и в этой же воде кипятите, желательнее не менее 2–3 часов, если есть топливо. После кипячения заправьте крапивой, лебедой, купырем, мокрицей или другими травами. Хорошо прибавить немного уксуса. В зимнее время заправьте сухой травой или любой крупой».

Самый драматичный и тяжелый период блокады пришелся на зиму 1941–1942 годов. В январе 1942 года от голода и холода в Ленинграде ежедневно умирало 3–4 тыс. человек. По заснеженным улицам, под непрерывными бомбежками и артобстрелами, под завывание сирен воздушной тревоги ленинградцы везли на саночках тела умерших родных и близких. Похоронные команды не справлялись, в домах и на улицах оставались тысячи непогребенных трупов. Блокада оставила память о себе множеством братских могил, главной из которых стало Пискаревское кладбище.

Телефонограмма о питании

Ликвидация последствий артобстрела, стена здания главной кухни. 1941 г.

Флигель дома 24 со стороны ул. Писарева, где жила Н. Г. Тенигина. 1941 г.
Трещины в кирпичной кладке под каждым окном

Восстановление коридора госпитальной хирургии после артобстрела. 1941 г.

Из-за низкой температуры погибла часть медиков аптеки. Не хватало дистиллированной воды для инъекций. Дегазационная камера и механическая прачечная вышли из строя. Не работали рентгеновские аппараты. Встали электрические котлы. Но институт жил и работал. Например, библиотека 1 ЛМИ в течение всей блокады работала, не закрывалась ни на один день.

Из «Воспоминаний» Н.А.Никифоровской: «5 января. Холод в библиотеке: „Кажется холоднее, чем на улице“ – так говорят читатели; 8 января. На абонементе художественного отдела – 0 градусов. Обстрел, несмотря на распоряжение прекратить выдачу книг, она не прекращалась; 12 января. На абонементе художественного отдела – -4. Чернила замерзают. На улице мороз -30. В столовой столпотворение; 15 января. Видела во дворе больницы, как очищали приемный покой: покойников клали на тележку, как дрова. Стало нехорошо, голова закружилась; 16 января. Дома очередь за водой (в подвале). Только и слышны разговоры о наших победах; 17 января. В столовой с помощью Милицы Александровны получила обед (дежурила 2 часа). В художественном отделе на абонементе невероятное количество читателей; 19 января. Читателей опять очень много, а библиотекарей мало. Умерла Е.К.Порембская; 20 января. В библиотеку пришли И.Д.Страшун и Ю.М.Гефтер за литературой».

Воспоминания профессора В.В.Ставской: «Воду для главной кухни возили с Большой Невки (9000–12000 литров ежедневно). 5–6 сотрудников кухни впрягались в сани и возили воду с Большой Невки в полутора километрах от института. Приходилось делать по 5–6 рейсов, чтобы обеспечить кухню водой по голодной норме. Каждое отделение самостоятельно заготавливает воду для своих нужд. Для бытовых нужд пользовались водой из Карповки, которую фильтровали через 4 слоя марли. Нечистоты выносили ведрами. Из-за остановки котельной пищу можно было готовить только в одном котле. Пока монтировали второй котел, раненые военнослужащие получали горячую еду 2–3 раза в день, другие больные 1 или 2 раза, остальная еда выдавалась сухим пайком... Были закуплены два котла системы Стребеля и котел СП. Эти котлы отапливались дровами, что дало возможность иметь горячую воду, наладить стерилизацию посуды».

Из протокола партийного собрания 1 ЛМИ от 23 февраля 1942 года: «Тов. Аверин зачитывает постановление Бюро РК ВКП(б) от 20/II – 42 г. О работе партбюро 1 ЛМИ: В Райком партии поступили сигналы о неблагополучии в больнице им. Эрисмана. Профессор Иванов... в общежитии погибло 20 лучших наших студентов из-за нашей небрежности... Питание гражданских больных, положение исключительно неблагополучно. Наши больные получают прямо смертельный (зачеркнуто, чернилами – незначительный – авт. сост.) паек. Количество сведено до минимума, и еще не все доходит до больного и из этого малого количества».

Выпускница 1 ЛМИ Е.А.Агапова (Карпунова) писала: «О суровой зиме 1941–1942 гг. жутко вспоминать. Паек по карточкам был уменьшен. Мы получали на сутки по 125 граммов хлеба. Паек съедали за один раз, а затем голодали, бесконечно хотелось есть. Два месяца я не вставала с кровати. В течение этого периода меня только один раз навещил участковый врач, т.к. обслуживать квартирных больных было некому. Наташа (дочь) моя находилась в крайне тяжелом состоянии – дистрофия обошла и ее. И вот когда я возвращалась домой из яслей, то повстречала незнакомого человека. Он назвал меня бабушкой и предложил буханку хлеба за пятьсот рублей. Я очень обрадовалась и вынесла ему деньги. Через несколько дней он принес еще раз хлеб за ту же сумму, а затем „волшебник“ исчез. В поликлинику ходила с палочкой... Возвратившись однажды с очередного дежурства домой, я увидела маму в кровати мертвой. Это было в конце марта 1942 года...»

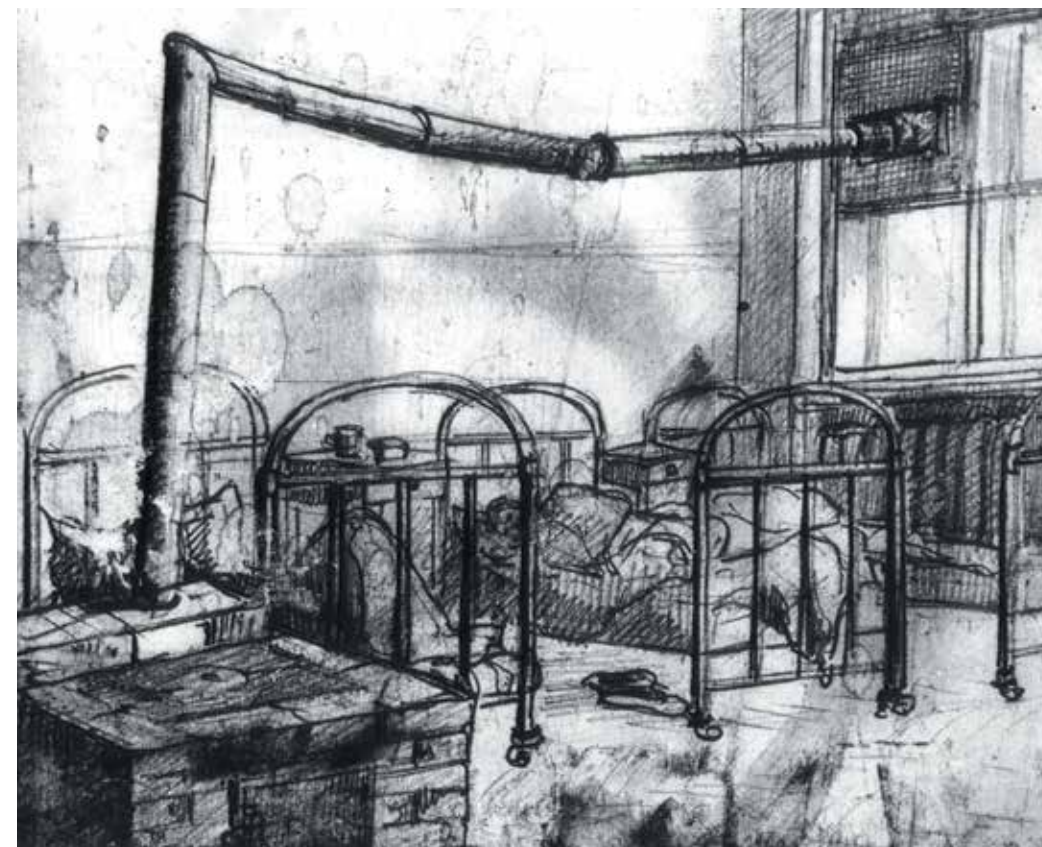
Из воспоминаний студентки Л.Турецкой (Гревниной): «Февраль по части снабжения продовольствием был лучше прошлых месяцев. Продукты поступают в Ленинград по Дороге жизни на Ладожском озере... еще продолжают сильные морозы. Но уже ярко светит солнце. Опять начался сильный артобстрел. Они теперь бывают ежедневно».

6 августа 1943 года заведующий стоматологическим отделением А.И.Дардык после объявления тревоги вышел на пост и укрыл скопившихся на дороге у партийного комитета служащих и посетителей больных в количестве 40–50 человек. Через несколько минут на то место, где стояли люди, упали снаряды.

В факультетской хирургической клинике 6 августа 1943 года разорвался снаряд, почти все стекла были выбиты, но больные были своевременно укрыты дежурным врачом и заведующим отделением, профессором Драмчинской и среди них не было ни одного раненого.

Воду для бытовых нужд брали из Карповки

Печурка в палате. Карандашный рисунок пациента. 1941–1942 гг.

Учебная жизнь 1 ЛМИ в годы войны

Несмотря на дыхание смерти, люди продолжали работать, ходить в библиотеки, в гости. Все эти привычные для мирной жизни дела во время блокады принимали героические оттенки. Несмотря на голод, постоянные обстрелы, учебная жизнь с перерывами, но продолжалась. Институт выполнял свои прямые обязанности — готовил специалистов, так необходимых фронту и тылу.

В январе 1942 года занятия были временно прекращены. Отчасти это объяснялось тем, что студентов 2 и 3 курсов мобилизовали для выявления дистрофии в квартирах у жителей Ленинграда, а студенты 4 курса продолжали работать в поликлиниках, медпунктах города. Воспоминания студентки 1 ЛМИ военных лет Л.А.Сергеевой: «В январе 1942 года работали в медпункте Финляндского вокзала. „Медпункт“ располагался в двух комнатах. В одной лежали больные, в другой — перевязочная. Тут уж мы не знали ни минуты покоя... Перевязки следовали за перевязками... Началась посадка в эшелон. Надо наблюдать за посадкой, помочь сесть слабым».

С 23 февраля 1942 года в 1 ЛМИ возобновились учебные занятия, а в марте — практические занятия, половина которых проходила в госпиталях. При этом часть профессорско-преподавательского состава была эвакуирована или назначена на различные должности в действующей армии. Так, по состоянию на начало 1942 года, из 46 профессоров 1 ЛМИ уехали 12. Профессора Ю.Ю.Джанелидзе назначили на должность главного хирурга Балтийского флота, с Академией Наук выехала профессор О.В.Подвысоцкая. Часть профессуры в лице Г.Ф.Ланга, Г.В.Шора, К.К.Скробанского категорически отказывалась выехать и продолжала работать в стенах института.

Из выступления директора 1 ЛМИ (1941–1943 гг.) И.Д.Страшуна в феврале 1942 года на совещании директоров ленинградских медицинских вузов с заместителем председателя комитета по делам высшей школы «О задачах медицинских вузов в связи с началом военных действий»: «...Необходимо взять 3 и 4 курсы на котловое довольствие. Студенты этих курсов — наш самый дорогой, самый ценный фонд. Ведь это 1300 человек выпускников ленинградских медвузов, которые могли бы стать военными врачами, ведь это — обслуживание 1300 батальонов, а в случае эпидемии — 1300 районов. Слушатели 3 курса (1200 человек) могли бы, при досрочном выпуске их, работать в качестве либо военных фельдшеров, либо помощников санитарных врачей. Каждый день продвижения в смысле облегчения участи будущих врачебных кадров — смерти подобен».

Из «Воспоминаний» студентки Н.Найбич: «На стенах в нашем общежитии на Петроградской набережной, дом № 44, был иней. Воду мы приносили с Большой Невки, где наши военные бойцы сделали прорубь. По очереди с чайником ходили мы за водой, спасаясь от голода и холода. А вода в этом чайнике потом замерзала в наших

комнатах, т.к. температура на улице была тогда 3 градуса и общежитие не отапливалось. Началась дистрофия 2–3 стадии и др. <...> Организмы наши стали сдавать, стали умирать наши студенты (первые — мальчики)...»

Летом 1942 года прошел очередной прием на первый курс 1 ЛМИ. Как следует из протокола заседания партбюро (протокол № 39 от 27 ноября 1942 года): «Подано заявлений в институт 461. Из них 41... взято обратно по причинам территориального характера. Зачислено было 317 чел., сегодня поступило еще 14 заявлений. Окончившие школу в 1940–1941 учебном году (десятилетку) принимаются без экзаменов, до 1940–1941 гг., учившиеся в других вузах, принимаются без экзаменов. Тем, кто имеет образование в объеме 9-летки — придется сдать вступительные экзамены по политграмоте, химии, литературе».

Библиотекари 1 ЛМИ делали все возможное, чтобы сохранить библиотечный фонд и обеспечить всех студентов учебниками. Выдача книг в научном отделе сократилась в 1941–1942 гг., но развился межбиблиотечный абонемент по снабжению расположенных поблизости военных госпиталей литературой.

Из «Воспоминаний» Т.А.Никифоровской: «В художественном отделе бывало тогда особенно много читателей — студентов и преподавателей. Многие запасались книгами для чтения в бомбоубежище или во время дежурства. Большим спросом пользовалась приключенческая литература, например, романы Дюма. Самой мне в трудные дни блокады особенно нравились северные рассказы Джека Лондона, герои которых переносят голод и холод, не утрачивая мужества и энергии...»

Из воспоминаний студентки Н.Найбич: «На новый 1943 год нам кто-то из военных принес маленькую елочку, мы ее убрали. „Буржуйки“ наши топились „по-черному“, и игрушки, как и мы все, были закоптившиеся. У меня сохранилась одна такая закоптившаяся игрушка — маленькая кукла, она для меня самая дорогая, самая красивая, ведь на новый 1943 год она украшала нашу елку в блокадном Ленинграде! Эти тетради и эту елочную игрушку я храню, как реликвию. И думаю сдать их в музей обороны Ленинграда, пусть все знают, что студенты прославленного 1 ЛМИ, несмотря на нечеловеческие блокадные условия, учились, работали, обороняли Ленинград и даже елку убрали к Новому 1943 году».

Из доклада С.Н.Лисовской (заведующая кафедрой урологии в 1923–1951 гг.) 28 июня 1943 года: «У нас было всего 4–5 лекций вместо положенных 12 и мне пришлось обратить серьезное внимание на травматологию и гонорею. В большинстве случаев знания студентам мне приходилось давать на практических занятиях, на обходах или же путем демонстрации препаратов».

А.Б.Веригу, заведующий кафедрой физики, математики и информатики (1943–1957 гг.) занимался изучением космических лучей. 12 октября 1943 года, после полученного оповещения об обстреле, секретарь партийного комитета А.И.Науменко пошел проверять учебное здание и укрыл студентов и преподавателей. А через несколько минут случилось прямое попадание снаряда в аудиторию, где профессор А.Б.Верига незадолго до того читал лекцию.

Из воспоминаний студентки Н.Г.Тенигиной: «Мы слушали лекции в разных аудиториях, довольно часто в зале Ленина. 14 октября 1943 года около 3 часов дня после последней лекции мы, не торопясь, шли домой. Когда мы дошли до угла ограды, раздался невероятной силы взрыв, казалось, что задрожала даже земля. Одна мысль пронзила нас всех — где же? Затем нам сказали, что это — в зале Ленина. Вернее — в артистической комнате рядом с залом... Что было бы, если это произошло на 5 минут раньше?»

В первой половине 1943 года возобновилась работа СНО. В труднейших условиях блокады Ленинграда — при голоде, холоде, при бомбежках и артобстрелах, не прерывая учебы, студенты под руководством доцента Н.М.Вайсмана и профессора Д.М.Гротеля занимались разработкой проблем, связанных с заболеваниями — алиментарной дистрофией и гипертонической болезнью.

Несмотря на тяжелейшие условия жизни, конкурс в институт оставался высоким даже в страшное время блокады. Однако последствия ее сказывались. Например, 1 августа 1944 года институт окончили всего 69 человек. Это были те, кто пережил страшную зиму 1941–1942 гг. Вместе с тем, летом 1944 года на 500 вакантных мест было подано 3027 заявлений. Всего в 1 ЛМИ в 1944 году обучалось 1396 человек.

В 1944 году возобновили свою работу различные кружки самодеятельности: драматический, музыкальный и др., а также кружки, организованные спортклубом: гимнастический, волейбольный, шахматный, альпинистский и др.

Поскольку на освобожденной от фашистов территории СССР немедленно начинали восстанавливать деятельность, прежде всего медицинских вузов, то в 1 ЛМИ обращались с просьбами о помощи учебной и методической литературой.

Справка студентки Л.А.Сергеевой о том, что она получает продовольственные карточки. 30 июля 1942 г.

Занятия в библиотеке. Февраль 1942 г.

Доставка дров на барже. Пристань на Карповке. 1942 г. На разгрузку дров выходили все сотрудники института

Работа клиник 1 ЛМИ в годы войны

Поликлиника 1 ЛМИ работала всю блокаду. Молодые врачи и студенты работали только по квартирной помощи, выполняли ежедневно по 15–20 вызовов.

В отчете И.Д.Страшуна на заседании Ученого совета института 28 июня 1943 года ситуация страшной зимы излагалась следующим образом: «С конца ноября 1941 г. стало резко возрастать число больных алиментарной дистрофией, в декабре – феврале 1942 г. они составляли 90–95% поступавших в терапевтические стационары пациентов... Наиболее высокой была смертность в первом квартале: в январе 30%, в марте достигла 37,7%. Средняя смертность за II квартал составила 25%, затем она снижается и в декабре 1942 года достигает 9,9%. <...> За 1942 год через стационар 1 ЛМИ прошло 11 000 человек».

Из воспоминаний переживших блокаду: «Продолжала свою работу кафедра гигиены. Особенно тяжелые времена пришлось на период в январе – марте 1942 года, на кафедре гигиены от голода погибли трое сотрудников: Лойбман, Кудрявцева и Иванова».

Воспоминания Е.М.Варсонофьевой (Кленицкой), работавшей в акушерско-гинекологической клинике 1 ЛМИ: «Лекарств не доставало, мало было шприцов и белья. Истории болезни записывались на сохранившихся черновиках научных работ, на обоях и еще на чем-то...»

Мы, едва передвигаясь сами, продолжали оказывать помощь несчастным роженицам, обессиленным, отечным, с бесконечными припадками – эклампсиями. К нашему удивлению, раны у них чаще всего заживали первичным натяжением. Был период, когда в день объявляли 16–18 тревог... Был случай, что в один из таких дней, когда бомба упала вблизи от клиники, взрывной волной выбросило из операционной стол вместе с больной, операторов и ассистентов...»

Появились необычные формы патологии: соматические заболевания, поздний токсикоз приобрели чрезвычайно тяжелое течение, развиваясь на фоне алиментарной дистрофии и авитаминозов. Материнская смертность по городу возросла в 10 раз, достигая 2,4% (1941 год).

Рисунок с натуры одного из пациентов. Правый угол здания 1 ЛМИ. 1941–1942 гг.

Из «Дневника» (1942 год) Б.П.Абрамсона, заведующего кафедрой общей хирургии: «И каким страшным стало лицо хирургии зимы 1942 года! Обходы – в шубе с поднятым воротником и в шапке, перевязки в палатах нестерильным материалом и инструментами. Делаем и кое-какие операции – за месяц было несколько ущемленных грыж, две прободные язвы; ампутации, спицы. Все это делаем в отепленной третьей палате первого хирургического отделения, только днем, без стерильных халатов и в присутствии больных».

Из воспоминаний В.В.Рогачевской, заместителя главного врача поликлиники № 31 по медицинской части: «Я работала в филиале терапевтической клиники Г.Ф.Ланга. Размещался он в первом учебном корпусе, на четвертом этаже. Тревога, всех больных спустили вниз, а один в палате остался длинный, худой, ему не подняться. Не знаю, откуда силы взялись, помогла ему встать, дотащила до носилок, а потом бегала за санитарями, чтобы доставить его в убежище».

Из воспоминаний В.Д.Любимовой, медсестры кафедры болезней уха, горла и носа (1942 год): «Сил санитарок и сестер с трудом хватает для носки воды и удаления нечистот. При отсутствии света и невозможности пользоваться эндоскопией диагноз приходилось нередко ставить по анамнезу, данным наружного осмотра, ощупывания, тембру голоса и т. д.»

В протоколе заседания партбюро от 5 мая 1942 года приводятся следующие обобщающие цифры по работе поликлиники за первую половину 1942 года: «В январе из 10 735 вызовов было выполнено только 6 532, в феврале из 13 421 вызова было выполнено лишь 5 735, т.к. из штатных 32-х врачей работали лишь 12, остальные болели. <...> В конце апреля мы еще не довыполняли 2 тыс. (вызовов) в день, теперь выполняем вызовы с задержкой на день... за 4 дня пропустили 4 880 чел.»

Н.Г.Сосняков и А.В.Миклашевская оперируют больного. 1941 г.

Одна из операций. 1941 г.

Шприцы. 1941–1942 гг.

На ЛОР-отделении остались, кроме профессора В.Ф.Ундрица, ассистент Г.И.Кристостурьян и сверхштатный ассистент. С сентября 1941 года в клинику продолжали поступать тяжелые больные и раненые из гражданского населения. Волна алиментарной дистрофии привела к тому, что 50% больных страдали дистрофией без выраженных заболеваний уха, горла и носа, а остальные болев дистрофией в комбинации с этими заболеваниями.

Вся работа в клинике офтальмологии легла на плечи всего трех врачей во главе с доцентом Р.А.Батарчуковым. Основную массу лечившихся в клинике составляли раненые с тяжелыми прободными ранениями глаза осколками стали и стекла.

На базе стоматологической клиники был развернут госпиталь для челюстно-лицевых раненых. Из оставшихся в блокированном Ленинграде умерло шесть санитарок, три медицинские сестры, среди них — старшая В.Н.Зиборова (ее обязанности были возложены на А.Г.Барабанову). При непосредственном и активном участии профессора П.П.Львова впервые в стране была разработана стройная система лечения больных с острой одонтогенной инфекцией; была организована санационная работа среди больных клиник больницы им. Эрисмана.

Все годы войны терапевтической клиникой 1 ЛМИ руководил профессор М.Д.Тушинский. Отделениями клиники заведовали ассистенты Б.Н.Попов и З.Р.Зейц, а после отъезда последней в 1943 году — ординатор Е.Н.Водеева. Большая нагрузка (до 30–35 больных на врача), практически полное отсутствие лабораторных исследований (лишь в крайних необходимых случаях их выполняли сами врачи), один рентгенолог на три терапевтические и акушерскую клиники.

В клинике не прекращалось преподавание, на еженедельных научных заседаниях изучались и обсуждались клинические проявления и результаты лечения своеобразной, возникавшей во время блокады города патологии.

Из «Дневника» Б.П.Абрамсона: «Несчастные очоженевшие больные лежат, прикрывшись шубами и грязными матрацами, кишмя кишат вшами. Воздух пропитан гноем и мочой, белье грязное до черноты. Воды нет, света нет, уборные забиты, в коридорах вонь от неслитых помоев, на полу полузамерзшие нечистоты. Их не выливают вовсе или сбрасывают тут же, у входа в хирургическое отделение — храм чистоты! Привычными уже стали валяющиеся на улицах трупы полураздетых людей, мимо которых с равнодушием проходят пока еще живые. Но все же более страшное зрелище — грузовики-пятитонки, доверху груженные трупами. Кое-как прикрывши „груз“, машины свозят их на кладбища, где экскаваторами роются траншеи, куда и сбрасывают „груз“».

Заведующий кафедрой нормальной анатомии 1 ЛМИ, профессор М.Г.Привес, выступая на заседании Ученого совета в самое тяжелое время 1942 года, призывал коллег: **«Учитывая постановления партии и правительства, мы с вами должны целиком и полностью отдавать положенное время институту, не считаясь с дальностью расстояния от места своего жительства, не считаясь с тем, что у нас в городе нет трамваев. Кроме этих часов, мы должны по 3 часа отдавать на трудовую дисциплину. Если наш работник не является на трудовую повинность, то зарплата ему не выдается. Если у человека нет больничного листа, то он считается здоровым и обязан являться и на работу, и на трудовую повинность».**

Взятие крови у пациентки. 1941 г.

Переливание крови в палате

«Работа наша смело войдет в историю мировой медицины» (И.Д.Страшун)

Врачи, которые находились в блокадном Ленинграде, продолжали вести научную деятельность. Постоянно работал Ученый совет института, обсуждались и защищались кандидатские и докторские диссертации. Проводились семинары и конференции для выработки правильных методов лечения больных и раненых жителей города.

Одной из особенностей научных исследований, проводимых в 1943 году, было изучение явления сочетания гипертонической болезни и алиментарной дистрофии, которое налагает свой отпечаток на патологоанатомическую картину. В конце 1942 года и в первом квартале 1943 года смерть гипертоников наступала преимущественно от сердечной недостаточности (по больнице им. Эрисмана в 1942 году — 78%, в 1-м квартале 1943 года — 88%), что было обусловлено влиянием алиментарной дистрофии. В этот период были редки кровоизлияния в мозг. Так, в 1942 году они составляют 14%, а в 1-м квартале 1943 года — 11% вскрытий гипертоников. Почки были большею частью без изменений. Смерть от почечной недостаточности не наблюдалась.

Начиная с апреля 1943 года, по мере исчезновения алиментарной дистрофии, картина постепенно меняется. Так, смерть в 1943 году от недостаточности сердца наблюдалась в 59%, от кровоизлияния в мозг — 23%, от недостаточности почек была обнаружена в 5%. 10% больных погибло от инфекции (преимущественно пневмонии).

Академик Н.Н.Аничков, профессора М.А.Захарьевская, Г.Ф.Ланг, К.Г.Волкова изучали морфологические изменения сосудистой системы при гипертонической болезни. Результаты анализа послужили основой для выделения патологоанатомических стадий заболевания (1948 год): **«С 1943 года собирался материал по вопросу о сосудистом нефросклерозе, изучению которого были посвящены 1946 и 1947 годы. В 1945 году была написана статья по вопросу „Об особенностях патологоанатомической картины гипертонической болезни“. При этом показано нарастание миогенной недостаточности сердца в период алиментарной дистрофии и исчезновение этой недостаточности при улучшении питания. Отмечено постепенное нарастание нефросклероза. Статья сдана в печать в 1945 году в сборник „Гипертоническая болезнь“».**

Были изучены изменения миокарда в 92 случаях, обнаружены очаги изменения в виде фрагментации и очагового некроза, которые возникают в гипертрофированном сердце повторно в течение жизни, и в значительной мере их возникновению способствует атеросклероз артерий сердца.

Заведующий кафедрой патологической анатомии 1 ЛМИ (1944–1952) В.Г.Гаршин понял, какой важный для последующих поколений материал сосредоточивается в руках его малочисленного коллектива, и работал с возрастающим напряжением. В декабре 1943 года он провел пять научно-практических конференций, посвященных патоморфологии инфекционного гепатита, особенностям поражения сердца у больных артериальной гипертензии и перенесенной ранее алиментарной дистрофии, выступил на конференции врачей Ленинградского фронта по вопросам патологической анатомии огнестрельных остеомиелитов и прогрессирования туберкулеза после ранений. Деятельность В.Г.Гаршина в блокадном Ленинграде была отмечена правительственной наградой.

Из «Дневника» В.Г.Гаршина: **«На вскрытии больше гипертрофированные сердца... Сжались сосуды, сузились мелкие артерии всего тела. И чтобы протолкнуть кровь через эти суженные сосуды, чтобы дать тканям необходимое количество крови, сердце работает все сильнее, оно поднимает давление внутри сосудов. Ткани теперь получают достаточно крови, но сердце из-за этого увеличивается, как любая мышца при повышенной работе. По основному признаку — по повышенному давлению — эта болезнь называется гипертонической».**

В ее основе лежит постоянное сужение сосудов. «...» это сосудистый невроз. Здесь, в Ленинграде, за два с половиной года осады, этот фактор выступил с особенной яркостью. Я думаю, что ленинградский „эксперимент“ (постоянная опасность, работа под обстрелом, потеря близких, ужасы голода, бомбежек, главное — длительно и без передышки) в значительной мере решил проблему гипертонической болезни.

Повышенное давление меняет не только сердца, но и сосуды, особенно сосуды мозга и почек. Кровоизлияния в мозг, мозговые удары — это результат гипертонической болезни, равно как и некоторые поражения почек. Но они пришли позднее, уже в середине 1943 года».

Выписки из работы начальника эвакогоспиталя подполковника медицинской службы С.И.Каляевой «Электрокардиографические изменения при гипертонической болезни по наблюдениям 1943 года»: «**Гипертония бойцов Ленфронта, появившаяся в 1942–1943 годах, имеет свое более или менее фиксированное начало и сравнительно короткий „стаж“. Проявилась она на фоне выраженного физического и психического напряжения. Небезынтересно также отметить, что значительное число этих больных имело в анамнезе алиментарное истощение зимой 1941–1942 гг. (32,3%)**».

Из доклада заведующего пропедевтической клиникой 1 ЛМИ М.Д.Тушинского на фронтовой конференции, посвященной инфекциям (20–22 октября 1943 года): «**Интересна вспышка желтухи весной 1943 года. Дизентерия в войсках и среди гражданского населения носила чрезвычайно своеобразный характер. Высеваемые микробы, ее вызывающие, принадлежали к атоксическим возбудителям дизентерии**».

В 1943 году, при непосредственном участии профессора М.Д.Тушинского, в работавшем при его клинике специализированном отделении была установлена этиологическая роль в развитии поносов у еще истощенных ленинградцев, ранее не известных в нашей стране, относящихся к группе С шигелл *Boydii*.

Через клиники института за время войны прошли тысячи пациентов. Если зимой 1941–1942 годов главными диагнозами были различные ранения и алиментарная дистрофия, то к 1944 году они уже ушли в прошлое и вернулись «обычные» болезни.

Научная работа сотрудников 1 ЛМИ не останавливалась в годы блокады. Так, на кафедре патанатомии проводили биопсии, материал для которых поступал не только из клиник института, но и из различных эвакогоспиталей. Тяжелейшие потери среди населения в годы блокады «омолодили» город, в результате специалисты констатировали: «**В Ленинграде в 1944 году намечается некоторое снижение частоты гипертонической болезни. По прозектурам города она равна 28%, по материалу больницы им. Эрисмана она ниже и составляет 20,7%... в 1944 году патологоанатомическая картина гипертонической болезни постепенно приближается к обычной картине. Недостаточность сердца наблюдается только в 54%. Кровоизлияния в мозг учащаются до 21%. Недостаточность почек сопровождается почти все случаи злокачественного нефросклероза и составляет 11% всех вскрытий погибших гипертоников**» (из воспоминаний профессора М.А.Захарьевской).

В течение всей войны не прекращалась работа Ученого Совета 1 ЛМИ. С 1 июня 1941 года по 1 января 1943 года было проведено 42 заседания, в 1943 году – 25, на кото-

рых состоялось 35 защит диссертаций, было заслушано 36 научных и 65 отчетных докладов.

В блокированном Ленинграде были закончены 12 диссертаций на степень кандидата и семь на степень доктора медицинских наук. Среди диссертаций на степень доктора медицинских наук две диссертации были посвящены особенностям течения внутренних болезней, остальные – диагностике особенностей и лечения различных огнестрельных ранений. Большинство диссертаций на степень кандидата медицинских наук выполнили терапевты.

На кафедрах продолжали работать кружки СНО, председателем которого по-прежнему оставался профессор М.Д.Тушинский. 26–27 мая 1945 года состоялась 6-я конференция студенческого научного общества, посвященная памяти И.И.Мечникова. На конференции было заслушано 16 докладов. С докладами выступили студенты Головин, Дощенко, Мучник, Погоревский, Виленский и другие. Некоторые из них впоследствии стали аспирантами различных кафедр 1 ЛМИ.

Обход больных проводят стоматологи Л. Р. Балон, А. И. Дардык, Л. М. Уваров. 1943 г.

В. Г. Гаршин на клинко-анатомической конференции эвакуационных госпиталей. Ноябрь 1942 г.

Сотрудники кафедры госпитальной терапии во главе с М. В. Черноруцким на занятиях по МПВО

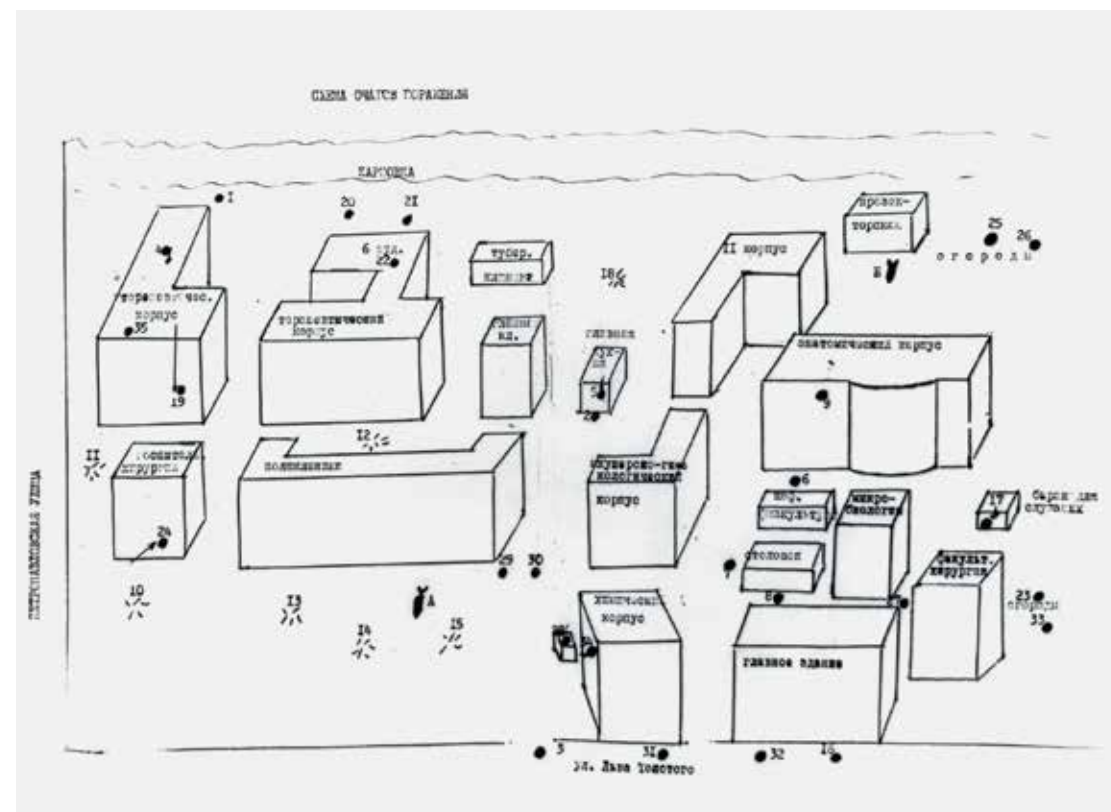
Возвращение сотрудников и восстановление 1 ЛМИ

Процесс возвращения ленинградцев из эвакуации начался во второй половине 1943 года. В 1944 году город постепенно наполнялся людьми. Возвращались и сотрудники 1 ЛМИ. Понятно, что город, его инфраструктура, клиники и больницы находились в ужасающем состоянии. Но ленинградцы не сомневались, что жизнь, в том числе и профессиональная, скоро войдет в обычную колею.

В августе 1944 года профессор, директор 1 ЛМИ (1943–1949) Н.И. Озерецкий писал своему другу А.И. Айвазьяну (с 1946 года – декан института): «Мы живем здесь, понемногу налаживая наш быт, <...> начальники отделений все стонут из-за перегрузки работою... Клиника пока, в смысле положения и штатов, убогая». Но при этом профессор подчеркивал, что, несмотря на всю временную неустроенность: «Я лично чувствую себя здесь гораздо лучше... Не могу налюбоваться Ленинградом. На островах были уже раз 8».

В результате авиационных налетов и артиллерийских обстрелов из 18 объектов 1 ЛМИ значительно пострадали семь. За годы блокады были разрушены (и не восстановлены): барак для служащих, одноэтажная табельная (на месте нынешней барокамеры), повреждены терапевтический, химический, анатомический корпуса, здания общей хирургии и главной кухни. Выбито свыше 4000 оконных стекол. Общий ущерб институту составил 14 миллионов рублей в ценах 1945 года.

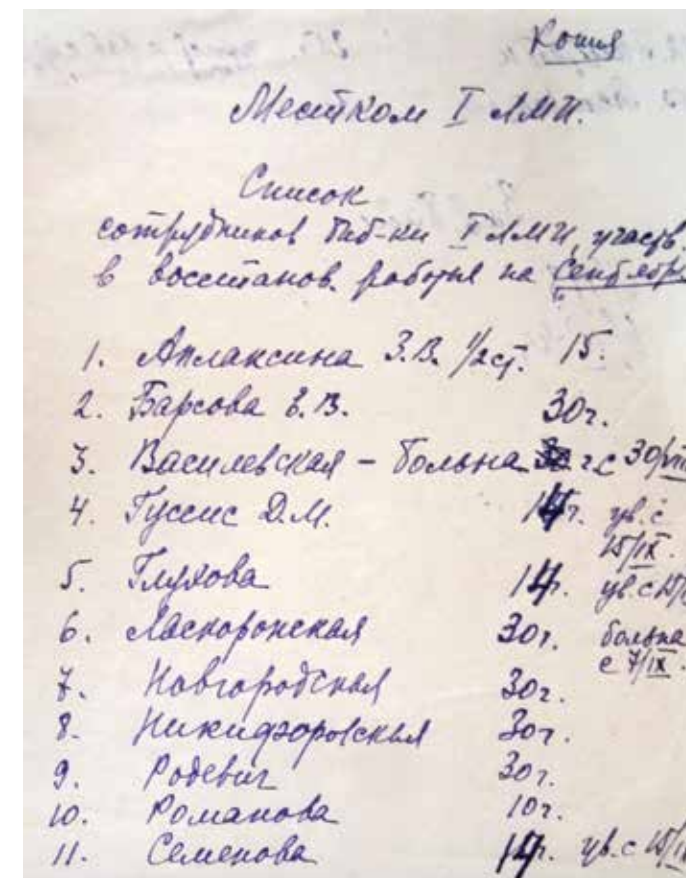
То, что восстановить институт будет нелегко, понимали все, поскольку за годы блокады на территорию 1 ЛМИ попали 28 бомб и 35 снарядов. Во время обстрелов было ранено 10 человек, двое из них – смертельно.

Очаги поражения на территории института

О состоянии инфраструктуры красноречиво говорит то, что в начале 1944 года не была восстановлена подача воды к важнейшим корпусам института: «Хотя действующие здания в настоящий момент обеспечены водой и канализацией, однако состояние всей системы настолько ненадежно, что в любом месте могущая возникнуть авария не явится неожиданностью. Кроме того, сейчас даже такие здания, как, например, химический корпус, анатомический корпус и прозекторская с кафедрой патологической анатомии воды еще не имеют» (Докладная записка главного врача больницы им. Эрисмана Р.В. Романовского. 1944 год).

В целом, ситуация была тяжелейшая, впрочем, как и во всем городе. Это не останавливало работы, но сухие строки докладов на партийных собраниях (отчет Н.И. Озерецкого. 1944 год), свидетельствуют, какой ценой доставались первые успехи в деле восстановления института: «...Автотранспорт состоял из двух полуторатонных машин, работающих на бензине, и одной грузовой полуторатонной газогенераторной машины, нуждающейся в капитальном ремонте. Две легковые машины стояли „на приколе“ из-за отсутствия горючего и водителя».

Учет времени по восстановительным работам библиотеки

Личная книжка участника восстановления городского хозяйства

С июня 1941 по июнь 1946 года выпуск газеты «Пульс» приостанавливался. Возобновился он 11 июня 1946 года, и в первом же номере секретарь парторганизации 1 ЛМИ А.И.Науменко опубликовал перечень «боевых задач» обвальной редакции.

Они вторили основной задаче, которая встала перед институтом, больницами и поликлиниками: восстановить довоенный уровень развития и затем превзойти его. Корреспонденты «Пульса» теперь должны были повседневно помогать партийной организации в мирном строительстве и выполнении плана послевоенной пятилетки и разъяснять эти задачи читателям; широко освещать ход социалистического соревнования по перевыполнению плана среди кафедр, отделов и клиник — популяризировать лучшие кафедры и клиники, лучших профессоров, доцентов, ассистентов и врачей; освещать работу экзаменационной комиссии, поднимая вопросы улучшения трудовой дисциплины; показывать борьбу за дальнейшее повышение лечебной работы.

Жизнь возрождающего института целиком отражалась на страницах газеты. В ней писали, как после пятилетнего перерыва снова начал работать спортивный клуб, а его члены тут же стали занимать первые места на городских соревнованиях; как в библиотеку стали поступать новые книги, и каждое поступление отражалось в специальной рубрике; как восстанавливали разрушенные в годы войны здания, водопровод, канализацию и котельную, а печное отопление меняли на центрально-водяное. На территории больницы Эрисмана решили построить детскую клинику, клинику инфекционных болезней, нервных болезней, новый анатомический корпус (всего 132 000 м³ — прирост на 40% к имеющейся кубатуре зданий больницы), новое студенческое общежитие — все, чтобы получить через пять лет «мощный медицинский комбинат с благоустроенными учебными и лечебными корпусами, построенными по последнему слову техники».

На время войны здание поликлиники было законсервировано, оставшуюся небольшую часть персонала перевели в туберкулезный диспансер (на площади Л.Толстого), где и был организован «филиал» поликлиники». Там, по словам главного врача И.А.Абрамовича, в **«чрезвычайно неудобном, тесном помещении ютились два учреждения»**. В 1945 году поликлинику перевели во второй корпус больницы им. Эрисмана — **«холодное, с трудом отапливаемое, темное помещение с очень ограниченным количеством комнат для специальных кабинетов»**. Но уже в июне 1946 года поликлиника возвратилась в свое прежнее, теперь отремонтированное здание, и приняла первых посетителей.

Большое внимание в «Пульсе» также уделяли возобновлению учебной работы. К студентам относились строго, регулярно публиковавшиеся в газете представители экзаменационной комиссии цитировали их ошибочные ответы, на какое-то время «Пульс» даже стал чем-то вроде отчетного органа экзаменационной комиссии. Некоторые выпуски целиком состояли из текстов о проведении сессии: половину полосы могли составлять заметки об экзамене по внутренним болезням, а другую — о зачете по сталинскому пятилетнему плану. Как писали в газете сами студенты, самым трудным испытанием была подготовка по курсу нервных болезней. За учебником Оморокова охотились, поджидая у дверей библиотеки, пока кто-нибудь не принесет его.

Появился ряд общих проблем, которые затронули все направления: видоизменившаяся под влиянием блокады гипертоническая болезнь, изменение реактивности организма в условиях войны и, конечно, изучение последствий войны. Главный вопрос, который занимал чуть ли не все кафедры в первый послевоенный год — подробное изучение специфики блокадной гипертонии. В факультетской терапевтической клинике академик Г.Ф.Ланг вел по этому поводу обширную монографическую работу, психологические симптомы при гипертонии изучал академик Н.И.Озерецкий, а изменения обмена веществ при гипертонической болезни — академик М.В.Черноруцкий.

Первые посетители поликлиники. 30 июля 1946 г.

Поликлиника. Июль 1946 г.

Сотрудники 1 ЛМИ начали публиковать труды, посвященные осмыслению военной проблемы в медицине: доцент Л.С.Беккерман закончил диссертацию на ученую степень доктора медицинских наук на тему «Лечение абсцессов и гангренов легкого» и изучал особенности хронических эмпием плевры огнестрельного происхождения. Ассистент И.С.Кустов закончил кандидатскую диссертацию на тему «Ампутация пальцев при огнестрельных ранениях». Ассистент И.И.Неймарк подготовил к печати статью «Торакоабдоминальные ранения», ассистент Р.И.Левин — «Лечение хронического остеомиелита плечевой кости огнестрельного происхождения», ассистент А.М.Рязанский — «Хирургическое лечение пульсирующих гематом и аневризм огнестрельного происхождения», ассистент К.В.Загрядимова — «Лечение гнойных процессов пенициллином». Один из крупнейших деятелей советской военно-полевой хирургии, вице-президент АМН СССР, профессор П.А.Куприянов, руководивший клиникой факультетской хирургии, разрабатывал актуальную проблему хирургии грудной клетки. Еще несколько лет предстояло тщательно изучать и обобщать опыт Великой Отечественной войны.

1 ЛМИ. 1946 г.

Диплом Н.Г.Тенигиной об окончании 1 ЛМИ в 1948 г. Год поступления — 1943

Гордое слово – Победа!

9 мая. День Победы. Эти два слова навсегда соединили в себе слезы и смех, боль потерь и радость, стали священными для миллионов советских людей. Сотрудники 1 ЛМИ встретили его в самых разных частях света – одни на фронте, другие в тылу; чувства все разделяли одни и те же.

Из воспоминаний М.А.Эстриной, выпускницы 1 ЛМИ 1947 года: «Незабываемый День Победы 9 мая! Незнакомые люди, где бы они ни находились, поздравляли друг друга, обнимались. Мы, студенты, собрались в институтской столовой, завели патефон, слушали песни военной поры и подпевали, танцевали (танго, фокстроты, знакомые со школьных, счастливых лет), обменивались адресами, так как предполагалось возвращение в родной город».

Полковник медицинской службы, с 1979 по 2002 год – главный врач 31-й поликлиники И.К. Барабаш вспоминал: «Вечером 8 мая я был на Эльбе, на встрече с американцами. Это был восторг – мы поняли, что остались живы. Хотя уже чувствовали, что Победа близка – по большому счету, праздновать начали после взятия Берлина. Интересно было встретиться с американцами – встреча прошла дружелюбно, но интерес и внимание больше были друг к другу, а не в связи с самой войной. Хотя элементы сдержанности и с нашей, и с их стороны были; несколько часов побратались, пообщались, потом они – на свою сторону, мы – на свою».

Из воспоминаний В.П.Правосудова, командира взвода управления артиллерийской батареи, заведующего кафедрой физических методов лечения и спортивной медицины с 1980 по 1992 год: «22 апреля я был ранен и отправлен в госпиталь в Венгрии, в местечко Секешфехервар. Именно там в ночь на 9 мая мы проснулись и узнали, что закончилась война. Там и встречали день Победы...»

Когда мы демобилизовались, возвращались домой в эшелонах и пересекали границу, все выскакивали из вагонов и целовали землю – вот откуда это чувство, эта гордость? Ведь люди перенесли тяжелейшие испытания, с трудом остались живы. Наверное, война научила ценить...»

Из воспоминаний О.П.Большакова, заведующего кафедрой оперативной хирургии и клинической анатомии с 1979 по 1996 год: «В День Победы мы ходили по городу, смотрели, как люди танцуют на Дворцовой площади, сами танцевали, правда, школы тогда были мужские, и нам танцевать было особенно не с кем. Потом ещё в июле месяце было ликование, когда шли наши войска, возвращавшиеся с фронта, по Московскому проспекту. Мы стояли у Технологического института, смотрели, как шли эти солдаты, к ним подбегали девушки, вручали цветы, обнимали, целовали».

На территории 1 ЛМИ

Г.С.Катинас, младший техник-лейтенант, заведующий кафедрой гистологии с 1972 по 1992 год, в 1992–1997-м – профессор кафедры, вспоминал: «Как узнал о Победе – я же работал на узлах связи и военные люди узнали быстро: из центра по всем узлам было сообщено, что война закончилась. Особых изменений в распорядке службы не произошло. Оттуда-то я и стал бомбить начальство рапортами, что хочу на учебу. Наконец, добился – наверное, семь – восемь рапортов по инстанциям написал.»

Только в октябре я смог оформить демобилизацию и начал учебу в 1-м медицинском. Наш курс оказался очень сильным, потому что шли учиться те, кто действительно хотел учиться, по-настоящему хотел – первый ведь послевоенный год. С нашего курса очень много тех, кто пошел в науку и многого добился».

А.М.Перехватова, старшина медицинской службы, медицинская сестра в клинике кожных болезней с 1957 по 1992 год, войну закончила в Прибалтике – была телефонисткой. «Я ночью на телефоне сидела – позывной у нас был „гроза“. Не уснешь: „гроза“, ты спишь? – да нет, не сплю. Днем спала – а земляночка была низкая, на четвереньках надо было выползать. И вот я сплю, слышу, стреляют, не могу понять, что такое. Ко мне кто-то голову в землянку сунул – чего спишь, война кончилась, а ты дрыхнешь! Я что-то буркнула, потом слышу, кричат все, целуются. Так вот и встретила Победу – чуть ли не за ноги меня вытаскивали, так спать хотела...»

М.А.Новгородская, секретарь библиотеки 1 ЛМИ в военные годы, вспоминала: «Самый прекрасный день для меня и, уверена, для всех, переживших войну, один – День Победы. Сообщение о Победе я услышала дома и, выйдя на улицу, не поверила глазам своим. Обычно серые улицы блокадного города были пусты. Но тут, как по волшебству, передо мной выросли все новые, новые, новые фигуры ленинградцев. Худые, изможденные лица и улыбки; люди плакали, обнимали друг друга...»

Преподаватель кафедры военной и экстремальной медицины 1 ЛМИ Ю.Н.Лейкин: «10 мая 1945 года был в Берлине, был и в рейхстаге. Не забыть охватившего тогда меня чувства радости и гордости: мы победили, мы здесь, в Берлине, который долгие военные годы был логовом фашистского зверя. Как и другие, я сделал надпись на колонне рейхстага. А когда мы спустились в бункер Гитлера, помню, подумал: все, конец этой самой кровопролитной войне».

Медсестра клиники кожных болезней Н.И.Кондратьева в этот день была в Кенигсберге: «Бои там страшные были. Раненых едва успевали принимать и отправлять, машин не хватало. А после взятия Кенигсберга армия уже очень быстро продвигалась вперед. Война для меня закончилась под Данцигом. Однажды ночью, смотрим, что такое – стрельба поднялась, ракеты то и дело сверкают. Господи, думаю, всю войну прошла, а никогда такого не бывало, чтобы всю ночь стреляли. Оказывается – Победа! Ну, тут и слезы, и радость... А после капитуляции еще много раненых к нам поступало. Вроде бы и война закончилась, а все равно по нашим стреляли, – и из домов, и отовсюду».

А.И.Айвазян с сослуживцами в Кенигсберге. 1 мая 1945 г.

Надо честно сказать,
 без прикрас,
 Что с характером
 нам повезло.
 Он у нас ленинградский,
 с блокады —
 Нашей юности боевой.
 И за честный наш труд
 награды
 Украшают тот путь большой.
 Мы грузили дрова
 на Обводном,
 Поднимали весной целину.
 И на лекции в зале холодном
 Проклинали голод, войну.
 Восстановлен был институт,
 Штурмом взяты вершины
 науки.
 Честно пройден меджизни
 маршрут —
 Эстафету несут уже внуки...
 Первый мединститут, родной,
 Рады встрече весенней
 с тобой.

*В. А. Галат,
 ветеран войны, ветеран 1-го ЛМИ,
 ветеран труда, выпускница 1947 года*

Открытие Памятника погибшим медикам. 5 ноября 1987 г.

В подборе и подготовке материалов, опубликованных в этом выпуске, приняли участие многие люди. Некоторые из них уже не являются сотрудниками Университета, некоторых уже нет в живых. Выражаем искреннюю благодарность за помощь в подготовке материалов А. И. Яременко – проректору по учебной работе; А. А. Потапчук – проректору по воспитательной работе; В. В. Томсону – директору НИЦ; О. Н. Ключникову – начальнику управления внешних связей и развития; Г. А. Ковальчук – директору библиотеки; Л. А. Носовой – заведующей отделом книгохранения библиотеки с 1997 по 2017 гг.; И. В. Зимину – заведующему кафедрой истории Отечества, доцентам кафедры А. А. Журавлеву, Ф. К. Ярмоличу, Н. В. Павловой; Д. Д. Аравийской – председателю Совета ветеранов; М. Ш. Вахитову – председателю Первичной профсоюзной организации; особая благодарность – ветеранам войны Н. Г. Тенигиной, Э. А. Смирновой; В. М. Седову – профессору, заведующему кафедрой факультетской хирургии с 1993 по 2017 гг.; Г. Б. Федосееву – члену-корреспонденту РАН, заведующему кафедрой госпитальной терапии с 1975 по 2001 гг.; С. А. Шестаковой – профессору кафедры патофизиологии с 1992 по 2015 гг.; А. Г. Тюрину – доценту кафедры патологической анатомии с патологоанатомическим отделением; В. Д. Иващенко – старшему научному сотруднику кафедры инфекционных болезней и эпидемиологии; И. А. Мозговой – доценту, старшему лаборанту кафедры биологической химии с 1961 по 2020 гг.; Р. В. Сенчик – врачу приемного покоя НИИ нефрологии; Л. Л. Газиевой – преподавателю медицинского училища Института сестринского образования; В. А. Корневой – заведующей музеем ПСПбГМУ, С. В. Шельговой, Л. Н. Васильевой – сотрудникам музея, Т. В. Балабко – сотруднику музея с 2014 по 2017 гг., М. Н. Мальковой – сотруднику музея с 2014 по 2015 гг.; Т. П. Григорьевой – заведующей архивом; И. Г. Ивановой – главному хранителю фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме; Т. И. Симоненко – директору архива Ботанического института им. В. Л. Комарова; Н. С. Боковой.

Председатель Редакционного совета –
советник при ректорате по учебной работе Н. Н. Петрищев

Заместитель председателя Редакционного совета –
начальник управления внешних связей и развития О. Н. Ключников

Секретарь Редакционного совета –
специалист по связям с общественностью Н. П. Корнетова

Члены Редакционного совета:
проректор по учебной работе А. И. Яременко,
проректор по лечебной работе О. А. Гриненко,
секретарь Ученого совета В. Ф. Беженарь,
начальник отдела международных связей С. Ю. Боровец,
председатель Совета обучающихся Д. С. Савельев

Учредитель:
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
Газета зарегистрирована Северо-Западным региональным управлением государственного комитета Российской Федерации по печати 08.07.1999
Регистрационное свидетельство № ПЗ843.

Наш адрес:
197022, Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого, 6–8
1spbgmu.ru
pulse1med@ya.ru

Редакторы – Надежда Корнетова, Виктория Бутакова
Корректор – Евгения Герасимова
Дизайн и верстка – Анастасия Фалдина
Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно

**Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет
имени академика И.П.Павлова**